

На правах рукописи

КИРЬЯНОВ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ

**РОССИЙСКИЕ ПАРЛАМЕНТАРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА:
НОВЫЕ ПОЛИТИКИ
В НОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ижевск – 2009

ГОУ ВПО «Пермский государственный университет»

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Бородкин Леонид Иосифович

доктор исторических наук, профессор
Циунчук Рустем Аркадьевич

доктор исторических наук
Бехтерев Сергей Львович

Ведущая организация: **Санкт-Петербургский Институт
истории Российской Академии наук**

Защита состоится 22 декабря 2009 г. в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.01 при ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.

Автореферат разослан ___ ноября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
канд. ист. наук, доцент

Г.Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Становление новой российской государственности на рубеже XX–XXI вв. актуализировало углубленное изучение политических процессов начала XX в. для проведения сравнительных исследований двух отечественных парламентских опытов, в том числе и в поисках исторической преемственности. В начале и в конце XX столетия Россия оказалась перед необходимостью решать схожие задачи. Вектор изменений как в первом, так и во втором случае был, по существу, одинаков: рыночная экономика, мобильная социальная структура с развитым средним классом, демократический тип политического режима, плюралистическая и толерантная культурная среда.

Датой рождения первого отечественного парламента стало 27 апреля 1906 г. В этот день начали свою работу Государственная Дума и обновленный Государственный Совет. Введение законодательного представительного учреждения в состав властных институтов составляло ядро реформы государственного порядка, знаменовавшей эволюцию российской монархии в направлении конституционного строя.

Появление парламента положило начало процессу превращения многопартийности, выразившейся в одновременном существовании множества политических партий, в многопартийную систему, в рамках которой политические партии через институт законодательного представительства получили возможность воздействия на принятие государственных решений. Взаимоотношениям власти и общества в России благодаря парламенту впервые был дан шанс приобрести цивилизованные формы. Однако он не был использован, что привело к весьма трагическим последствиям. Представляется, что проблема неудачи первого парламентского опыта в России является одной из ключевых для понимания отечественной политической истории начала XX в.

Несмотря на обилие работ по парламентской истории этого периода, потребности современного развития исторической науки актуализируют необходимость приращения знания по данной проблематике, что подразумевает, с одной стороны, пересмотр ряда устойчивых стереотипов в восприятии политической модернизации Российской империи в последнее десятилетие ее существования, с другой стороны, постановку принципиально новых исследовательских задач, решение которых должно базироваться на применении техник междисциплинарного подхода и информационных технологий. Приращенное таким образом знание будет способствовать формированию более адекватного представления о реалиях политического процесса той поры.

Объектом исследования выступают Государственная Дума и реформированный Государственный Совет, которые рассматриваются в качестве двух палат единого парламентского института. Появление в системе органов высшей государственной власти представительного учреждения, разделявшего с императором законодательные полномочия, коренным образом изменило политическое пространство Российской империи начала XX в.

Предметом исследования выступает корпус российских парламентариев – членов Государственной Думы и Государственного Совета, составлявших относительно устойчивую группу публичных политиков начала XX в.

Территориальные рамки исследования охватывают Российскую империю в изменяющихся границах начала XX в. **Хронологические рамки исследования** соответствуют периоду с 1904 по 1917 г. Выбор указанных хронологических рамок обусловлен, во-первых, временем существования самого института членов Государственной Думы и реформированного Государственного Совета (1906–1917 гг.), во-вторых, необходимостью рассмотрения предыстории создания нового политического пространства России в целом и парламентского учреждения в частности (1904–1906 гг.).

Целью настоящего исследования является комплексный анализ корпуса российских парламентариев начала XX в., представленного депутатами Государственной Думы и членами реформированного Государственного Совета. Поставленная цель определила необходимость решения следующих взаимосвязанных исследовательских **задач**:

- дать аналитический обзор отечественной и зарубежной историографии парламентской истории России начала XX в.;
- реконструировать первый российский опыт перехода к демократии, выявить причины его неудачи;
- проследить формирование нового политического пространства и становление человека политического как феноменов политической повседневности Российской империи изучаемого времени;
- определить правовой и общественный статус членов Государственной Думы и Государственного Совета;
- на примере электорального поведения населения и парламентских практик депутатского корпуса выявить социальные основания политического выбора в России начала XX в.;
- охарактеризовать модели парламентского поведения думских фракций и отдельных депутатов как проявление нового для России типа политики – публичной политики;
- выделить основные типы российских парламентариев;

– показать место и роль членов Государственной Думы и Государственного Совета в политическом процессе 1917 г., проследить наиболее типичные судьбы российских парламентариев в послеоктябрьский период.

Источниковая база исследования. Круг привлекаемых к исследованию источников и их классификация определялись происхождением и информационными возможностями источников, которые могли быть использованы при решении поставленных задач.

Институционализация нового политического пространства Российской империи нашла свое отражение в *законодательных актах* 1904–1907 гг., которые составляют отдельную группу источников. Императорские указы и манифесты той поры, Основные законы 1906 г. определили новую конфигурацию властных отношений и новый механизм принятия государственных решений, создали правовую основу включения подданных российского монарха в систему политических отношений.

Следующую группу источников составляют *материалы официального делопроизводства правительственных учреждений*. Документы данной группы отложились в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА): ф. 1276 – Совет министров, ф. 1544 – Совещания, образованные при Государственном Совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях. Материалы официального делопроизводства содержат информацию, анализ которой позволяет судить о политических воззрениях высшего сановничества, о мотивах, побудивших правящую элиту пойти на реформирование государственного строя, о характере и особенностях политической коммуникации в системе власти Российской империи на последнем этапе ее существования.

К группе источников, наиболее полно отражающих деятельность российского парламента начала XX в., депутатских групп и отдельных парламентариев, относятся *материалы делопроизводства Государственной Думы и Государственного Совета*. Основной массив этих документов отложился в фондах РГИА: ф. 1148 – Общее собрание Государственного Совета, ф. 1162 – Государственная канцелярия, ф. 1278 – Государственная Дума. Особое место в этом комплексе занимают опубликованные стенографические отчеты заседаний общих собраний Государственного Совета и Государственной Думы. За исключением редакционной правки, связанной с нарушениями регламента, стенографические отчеты детально воспроизводят все то, что обсуждалось и происходило в зале заседаний общих собраний Государственной Думы и Государственного Совета. Издание стенографических отчетов снабжалось посесссионными указателями, подготовленными канцелярией Государственной Думы и Государственной канцелярией.

Важную роль в исследовании играет такая группа источников, как *справочная литература о деятельности и составе Государственной Думы и Государственного Совета*, выпущенная в 1906–1917 гг., в частности, подготовленные думской канцелярией в виде тематических обзоров и сборников статистические данные работы нижней палаты и ее структурных подразделений. Особое место в данном комплексе источников занимают многочисленные биографии членов Государственной Думы и Государственного Совета. Наиболее востребованными историками оказались сборники, составленные М.М. Боиовичем и М.Л. Левенсоном. Биографические характеристики парламентариев имеют большое значение для создания просопографических баз данных и проведения соответствующих исследований, в частности, по социокультурной детерминированности политического выбора.

Отношение политических партий к законодательным учреждениям, модели их электорального и парламентского поведения можно проследить, анализируя *документы партийных организаций, а также фракций и групп Государственной Думы и Государственного Совета* (материалы съездов, конференций, протоколы заседаний центральных комитетов, отчеты парламентских фракций).

Для понимания феномена повседневности политики важно учитывать такой тип источника, как *периодическая печать*. Газетные материалы в силу оперативности отражения ими событий в мире публичной политики позволяют фиксировать детали политического процесса. С другой стороны, газеты выступали в качестве основного информационного канала, приобщающего рядового обывателя к этому миру, именно они во многом способствовали формированию разнообразных политических субкультур в России той поры. Стремлением сочетать информирование с углубленным анализом в освещении парламентской жизни выделялись такие издания, как прокадетская «Речь», октябристский «Голос Москвы», умеренно-консервативное «Новое время».

Значительную ценность для настоящего исследования представляют *документы личного происхождения* – письма, записки, черновые наброски выступлений парламентариев, демонстрирующие различные стороны деятельности публичных политиков той поры. Источники данного типа отложились в личных архивных фондах в ГА РФ (ф. 555 – Гучков А.И., ф. 575 – Муромцев С.А., ф. 579 – Милюков П.Н., ф. 582 – Протопопов А.Д., ф. 690 – Дымша Л.К., ф. 932 – Звегинцев А.И. и др.) и РГИА (ф. 1090 – Шингарев А.В., ф. 1616 – Алексеенко М.М., ф. 1625 – Головин Ф.А. и др.). К данному типу источников относятся и многочисленные воспоминания государственных деятелей, самих парламентариев и иных современников формирования нового политиче-

ского пространства России, рождения человека политического и становления публичной политики. Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что в диссертации используются мемуары «проигравших» политиков, как правило, написанные в эмиграции, где порой работа над воспоминаниями являлась единственной возможностью продолжения борьбы. Подобные мемуары с неизбежностью превращались в своеобразные аналитические работы (в первую очередь это относится к воспоминаниям В.И. Гурко и В.А. Маклакова).

Важную роль в настоящем исследовании играют *фотодокументы*. Индивидуальные и групповые фотопортреты отечественных парламентариев начала XX в. отложились в архивных фондах (например, в комплексе личных дел членов Государственной думы и Государственного Совета). Фотографии практически всех парламентариев воспроизведены в биографических справочниках. Данный тип источника помогает составить социальный портрет депутатского корпуса с наибольшей полнотой.

Специфическим источником, дающим возможности характеризовать политику в России начала XX в. как явление культуры, выступают *произведения художественной литературы*.

Привлеченные к исследованию материалы позволили сформировать репрезентативную источниковую базу, обладающую большими информационными возможностями для решения поставленных задач.

Методологическая основа исследования. Представляется, что наибольшим объяснительным потенциалом направленности исторического развития России в XX в. обладает парадигма «модернизации». Это связано с тем, что именно в рамках данного подхода предпринимается попытка найти ту основу, из которой «пророс» алгоритм отечественной истории XVIII–XX вв. – отставание от Европы, осознание этого отставания в конце XVII в., неоднократные попытки преодоления этого отставания¹. Начало XX в. вписывается в хронологические рамки фазы ускоренной модернизации, маркируемые эпохой Великих реформ и Первой мировой войной. Форсированная индустриализация, революция 1905–1907 гг., комплекс столыпинских реформ ускорили разложение структур традиционного общества, превратили Россию в более сложный социальный организм с выраженной индустриальной составляющей. Вместе с тем на данной фазе отчетливо проявились и

---

¹ См. например: The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861 / Ed. by C. Black. – Cambridge, Massachusetts, 1960; Black C.E., Jansen M.B., Levin H.S. The Modernization of Japan and Russia: A Comparative Study. – N.-Y., 1975; Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М., 1998; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. – М., 2006.

общие особенности процесса модернизации в России – развитие по типу «догоняющей модели» и «модернизация сверху», что не могло не сказаться на характере собственно политической модернизации.

Для углубленного анализа модернизации политической сферы политологами применяется теория демократического транзита¹. Представляется очевидным, что при изучении политической истории невозможно добиться серьезных результатов без овладения инструментарием и языком политологических исследований, опираясь только на традиционные исторические методы. Согласно сложившимся в политической науке представлениям под демократическим транзитом понимается совокупность социальных и институциональных изменений, связанных с переходом от авторитарных или тоталитарных режимов к демократическому. Сценарий такого перехода предполагает фазы *либерализации недемократического режима* и *демократизации*, при этом последняя фаза включает две стадии: *установление демократического правления* и *консолидацию демократического режима*. Следует учитывать, что демократический транзит может привести не к демократии, а от одного типа недемократии к другому. Подобный пример продемонстрировала в начале XX в. Россия, в которой начавшийся переход от авторитаризма к демократии завершился установлением тоталитарного режима.

Исследовательские техники обработки и анализа данных источников в настоящей работе базируются на применении элементов различных методов, как специальных исторических, так и специальных методов других наук. Историко-генетический метод, ориентированный на раскрытие причинно-следственных связей и изучение развития исторических явлений, применяется при анализе отечественного сценария демократического транзита, формирования нового политического пространства и рождения человека политического в России начала XX в. Историко-сравнительный метод, направленный на раскрытие сущности исторических явлений, используется в процессе рассмотрения институтов Государственной Думы и Государственного Совета как парламентских учреждений, при этом сопоставление производится как в синхронном, так и в диахронном вариантах. Данный специальный ме-

---

¹ См. например: *Huntington S.P. Political Order in Changing Societies.* – New Haven; L., 1968; *Rustow D.A. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics.* – 1970. – Vol. 2. – № 3. – Pp. 337–363; *Transitions from Authoritarian Rules: Comparative Perspectives / Eds. by G. O'Donnell, Ph. Schmitter, L. Whitehead.* – Baltimore, 1986; *Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century.* – Norman, 1992; *Przeworsky A. Democracy and Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America.* – Cambridge, 1991; *Мельвил А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты).* – М., 1999.

тод исторической науки используется в сочетании с элементами сравнительно-правового метода при анализе Основных государственных законов 1906 г. с целью выявления особенностей отечественного права и определения иностранных источников ряда норм в этом своде законов, а также с элементами институционального метода, входящего в инструментарий политологических исследований и предполагающего описание и анализ политических структур, их свойств и взаимосвязей как феноменов, оценку институтов на основе национального и мирового опыта. Историко-типологический метод в сочетании с компьютеризованным многомерным статистическим анализом (корреляционным, кластерным) применяется для выделения типов модернизационного развития различных территорий Европейской России, социокультурных типов думских фракций, моделей парламентского поведения депутатского корпуса. Кроме того, при исследовании парламентских речей П.А. Столыпина использовалась методика контент-анализа, а изучение манеры одеваться, характерной для публичных политиков начала XX в., осуществлялось на основе семиотического подхода, позволяющего выявлять знаки-символы эпохи и через их интерпретацию выходить на культурные смыслы и ценности исторического времени.

Разнообразие исследовательских техник при изучении парламентской истории дает возможность извлечь из источников скрытую, не всегда доступную при традиционном историческом анализе информацию, получить интересные результаты, обосновать выводы, в целом, полнее использовать информацию источников, раскрыть характер и содержание политических событий и процессов.

Научная новизна исследования заключается в постановке самой проблемы. В диссертации впервые в отношении России начала XX в. феномен политического позиционируется как явление повседневности и рассматривается через категории политического пространства, человека политического, публичной политики. С точки зрения методологии новизна состоит в применении теории демократического транзита для анализа эволюции политической системы Российской империи. Впервые междисциплинарный подход к рассмотрению парламентской истории России начала XX в. включает использование методов исторической, политической и юридической наук, а также культурологии и математической статистики. Новизна исследования также заключается в обращении к фотодокументам и произведениям художественной литературы как самостоятельным типам источников по парламентской истории. Впервые на основе многомерного статистического анализа структурировано пространство Европейской России по типам модернизационного развития и доказана зависимость от них электорального

поведения населения. Новизна исследования состоит и в подходе к Государственной Думе и Государственному Совету как единому парламентскому институту, выборные члены которого рассматриваются в качестве отдельной корпоративной группы публичных политиков. Впервые на примере думских фракций и групп выделены и обоснованы с помощью аппарата математической статистики типы социокультурной детерминированности политического выбора в России начала XX в., показано их влияние на практики парламентского поведения как депутатских объединений в целом, так и отдельных депутатов.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

– в исторической науке сформировалось новое направление – парламентская история России;

– политическая модернизация начала XX в. явилась первым, однако незавершенным, опытом перехода России к демократии, в рамках которого произошло становление нового политического пространства дуалистической монархии;

– превращение подданных российского императора из объекта политического управления в системе неограниченной и самодержавной монархии в субъект политического процесса в системе дуалистической монархии привело к рождению феноменов человека политического и политической повседневности;

– наиболее ярким воплощением человека политического выступал слой публичных политиков, основу которого составляли парламентарии – члены Государственной Думы и Государственного Совета;

– в системе дуалистической монархии произошло усложнение модели элитообразования, в результате чего сформировалась парламентская субэлита в составе политической элиты;

– политическая самоидентификация, как избирателей, так и депутатского корпуса в России начала XX в. определялась прежде всего социальными статусами, при этом можно говорить об открытом и закрытом типах социокультурной детерминированности политического выбора;

– несмотря на существовавшие формальные ограничения, реальные практики Государственной Думы и Государственного Совета способствовали усвоению депутатами современных им форм парламентской деятельности,

– в России начала XX в. сформировались три типа парламентариев: «законодатель», «публичный политик», «лоббист», различавшиеся моделями парламентского поведения;

– ведущими причинами неудачи первого отечественного парламентского опыта как и демократического транзита начала XX в. в целом были отсутствие национального единства и поляриность социаль-

ных интересов различных групп населения, что в совокупности порождало конфронтационные модели взаимодействия основных акторов политического процесса.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты исследования открывают возможности для системного изучения сферы политики как явления повседневной жизни российского общества в начале XX в. Разработанные методы анализа форм парламентской активности могут применяться в исследованиях по парламентской истории России и других стран. Основные положения и выводы диссертации могут быть учтены при написании обобщающих трудов и учебных пособий по истории России, разработке и преподавании общих и специальных курсов по политической и парламентской истории России. Материалы, вошедшие в диссертацию, в течение нескольких лет используются при чтении специального курса по парламентской истории России для студентов историко-политологического факультета Пермского государственного университета, а также при проведении ежегодного парламентского урока в школах Пермского края.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены в докладах и сообщениях на международных конференциях (Казань: 2006; Москва: 1997, 2003; Нижний Новгород: 2006; Пермь: 1993, 1994, 1995, 1997; Санкт-Петербург: 2005; Словения, Любляна: 2009); конференциях Российской ассоциации «История и компьютер» (Москва: 1997, 2000, 2004, 2008), научных семинарах (Пермь: 2006; Австрия, Грац: 2009; Великобритания, Оксфорд: 1999). Результаты исследования нашли отражение в 47 работах, включая 3 монографии, 4 учебных пособия и 9 статей в журналах, входящих в перечень ВАК. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры новейшей истории России Пермского государственного университета и была рекомендована к защите.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект, предмет, территориальные и хронологические рамки исследования, формулируются его цель и задачи, характеризуются источниковая база и методологическая основа работы, определяются ее новизна и практическая значимость.

Глава первая «Историография парламентской истории России начала XX века» состоит из четырех параграфов.

К настоящему времени общее число работ, посвященных данной проблематике, уже перевалило за шесть тысяч. Вполне естественно, что историография парламентской истории России начала XX в. сама становилась предметом специальных исследований¹. В *первом параграфе* анализируется дореволюционная историография проблемы, выделяются следующие ее черты: преобладание исследований, посвященных Государственной Думе; преимущественно партийно-публицистический характер изданий, подчас имевших мемуарный оттенок; востребованность историко-юридических компаративистских исследований. Повышенный интерес у современников вызывали сюжеты, связанные с историей двух первых созывов Думы², социальным обликом депутатского корпуса³, законодательной деятельностью⁴, практиками парламентского поведения партийных фракций и отдельных депутатов⁵.

---

¹ Наиболее содержательные историографические очерки в монографических работах последнего времени см.: *Аронов Д.В.* Законодательная деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). – М., 2005. С. 10–77; *Цунчук Р.А.* Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерение. – Казань, 2004. С. 9–65. Историографии проблемы посвящены и отдельные диссертации, см.: *Исхакова О.А.* Первая и Вторая Государственные думы: Либеральная историография: дисс... канд. ист. наук. – М., 1996; *Садинов В.С.* Государственная дума России (1906–1917 гг.). Историография проблемы: дисс... канд. ист. наук. – М., 2001.

² См. например: *Алексеев В.П.* Первый русский парламент. – М., 1906; *Варишавский С.* Жизнь и труды первой Государственной Думы. – М., 1907; *Васильев Н.П.* Вторая Государственная Дума. – СПб., 1907; *Герье В.И.* Вторая Государственная Дума. – М., 1907; *он же.* Первая русская Государственная Дума. Политические воззрения и тактика ее членов. – М., 1906; *Езерский Н.Ф.* Государственная Дума первого созыва. – Пенза, 1907; *Каминка А.И., Набоков В.Д.* Вторая Государственная Дума. – СПб., 1907; *Никитин К., Степанов И.* Деятельность Второй Государственной Думы. – М., 1907; *Цитрон А.* 72 дня первого русского парламента. – СПб., 1906; *он же.* 103 дня Второй Думы. – СПб., 1907.

³ См. например: *Б-ов [Богданов М.], Дан Ф.* Рабочие депутаты в Первой Государственной думе. – СПб., [1907]; *Богораз В.Г. [Богораз-Тан В.Г.] Мужики в Государственной думе.* – М., 1907; *Бородин Н.А.* Государственная Дума в цифрах. – СПб., 1908; *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной Думе. Историческая справка. – СПб., 1907.

⁴ См. например: *Воицинин В.П.* Переселенческий вопрос в Государственной Думе третьего созыва. – СПб., 1912; *Гронский П.П.* Земская реформа в Государственной Думе. – Пг., 1917; *Маслов С.Л.* Земельный вопрос и партии во Второй Государственной Думе. – М., 1917; *Михайлов В.Е.* Что сделала Третья Государственная Дума для промышленности и торговли. – СПб., 1912; *Ропп А.Н.* Что сделала Третья Государственная Дума для народного образования? – СПб., 1912.

⁵ См. например: *Александров Н. [Семашко Н.А.] Социал-демократическая фракция в 3-ей Государственной Думе.* – Париж, 1910; *Брамсон Л.М.* К истории трудовой партии. Трудовая группа Первой Государственной Думы. – Пг., 1917; *Гессен В.* Тактика партий в первой Государственной Думе // *Русская мысль.* – 1907. – № 2. – С. 124–152; *Залевский К.* Польские буржуазные партии и Польское коло во II Государственной Думе // *Образование.* – 1907. – № 6. – С. 23–37; *Изгоев А.С.* Партии во второй Государственной Думе. – СПб., 1907; *Котляревский С.А.* С.А. Муромцев и думский распорядок // *Сергей*

В целом литература дореволюционного периода составила первичную историографическую базу, в рамках которой были намечены подходы к изучению парламентской истории России, выявлены ее основные проблемы и сюжеты. Вместе с тем, обращает на себя внимание явное доминирование в оценках политического процесса реакций погруженных в этот процесс современников, а не научного анализа.

Аналізу советской историографии посвящен *второй параграф*. Известное отношение большевиков к парламентским институтам предопределило судьбу Государственной Думы и Государственного Совета в советской историографии на весьма длительный период. Первые *научные* исследования по истории Государственной Думы, выполненные в рамках марксистской методологии, были опубликованы выпускниками специального семинара молодых ученых в Институте красной профессуры под руководством М.Н. Покровского М. Корбутом, А. Слепковым, А. Станчинским, С. Томсинским в 1923–1925 гг.¹ В работах этих авторов наметилось то предметное поле, которое преимущественно будет осваивать советская историография: избирательные кампании, думская тактика большевиков, политическое выражение классовых интересов и противоречий в Государственной Думе.

Всплеск интереса к думской проблематике наметился в связи с проведением в 1937 г. первых всеобщих выборов и началом деятельности Верховного Совета СССР. «Победа советской демократии» актуализировала появление работ, посвященных критической оценке «буржуазного парламентаризма» в целом и избирательной системы Российской империи в частности. Заметной вехой в изучении политической истории начала XX в. стала изданная в 1939 г. монография Е.Д. Черменского «Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг.». В ней принципиально расширена по сравнению с предшествовавшими работами источниковая база исследования: впервые в советской историографии были широко использованы стенографические отчеты заседаний Государственной Думы и периодическая печать того времени. Безусловно, в концептуальном плане Е.Д. Черменский не мог выйти за

Андреевич Муромцев. Сб. статей. – М., 1911. С. 297–308; *Локоть Т.В.* Политические партии и группы в Государственной Думе: Характер и причины политического бессилия Первой Думы. Возможный характер и задачи Второй Думы. – М., 1907; Общественное движение в России в начале XX-го века. Т. III. Кн. 5: Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе. – СПб., 1914; *Юрский Г.* [Замысловский Г.Г.] Правые в Третьей Государственной Думе. – Харьков, 1912.

¹ *Слепков А.* Классовые противоречия в 1-й Государственной думе. – Пг., 1923; *Томсинский С.Г.* Борьба классов и партий в 1-й Государственной думе. – Ростов-н/Д., 1924; *Томсинский С.Г.* Борьба классов и партий во второй Государственной думе. – М., 1924; *Корбут М.А.* Рабочее законодательство третьей Государственной Думы. – Казань, 1925; *Станчинский А.* Бульгинская дума // Пролетарская революция. – 1925. – № 9. – С. 9–48.

пределы прокрустова ложа «Краткого курса», но он снял табу с сюжетов по парламентской истории, определив тем самым повышение интереса, по крайней мере, к думской проблематике.

На рубеже 1950-х – 1960-х гг. в условиях хрущевской оттепели в исследованиях по истории Государственной Думы наметился «переход количества в качество». Сборник документов, составленный Ф.И. Калинычевым, монография о Думе первого созыва С.М. Сидельникова¹, хотя и сохраняли «прокурорский» тон в отношении «царского парламента», отличались от работ прежних лет более широким подходом к изучению Думы как политического института.

Наметившаяся тенденция к комплексному анализу Государственной Думы как политического института привела к тому, что со второй половины 1960-х гг. отечественные историки приступили к углубленному изучению эволюции политической системы, всей совокупности политических отношений в Российской империи начала XX в. Наряду с традиционными исследованиями, посвященными думской тактике большевиков, увидели свет фундаментальные работы ведущих специалистов в области политической истории России того периода, в которых проблематика отечественной парламентской истории приобрела самостоятельное звучание², о чем свидетельствовало и начало научного изучения реформированного Государственного Совета³.

---

¹ *Калинычев Ф.И.* Государственная дума в России: Сб. документов и материалов. – М., 1957; *Сидельников С.М.* Образование и деятельность первой Государственной Думы. – М., 1962. В 1965 г. Ф.И. Калинычев защитил докторскую диссертацию «Государственная дума в период первой русской революции (1905–1907 гг.)», в которой рассмотрел историко-правовые аспекты деятельности Государственной Думы первых двух созывов.

² См. например: *Аврех А.Я.* Царизм и третьеиюньская система. – М., 1966; *он же.* Столыпин и Третья Дума. – М., 1968; *он же.* Царизм и Четвертая Дума (1912–1914 гг.). – М., 1981; *он же.* Распад третьеиюньской системы. – М., 1985; *он же.* Царизм накануне свержения. – М., 1989; *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 г.: Реформы и революция. – СПб., 1991; *Давидович А.М.* Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). – М., 1975; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). – Л., 1967; *он же.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л., 1978; *он же.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. – Л., 1988; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983; Кризис самодержавия в России. 1895–1917. – Л., 1984; *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. – Л., 1981; *он же.* Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. – Л., 1990; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). – Л., 1977; *Тютюкин С.В.* Июльский политический кризис 1906 г. в России. – М., 1991; *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. – М., 1976.

³ В 1965 г. А.Д. Степанский защитил первую диссертацию, в которой предметом исследования стал реформированный Государственный Совет – «Государственный совет в период революции 1905–1907 гг. (Из истории “второго шага по пути превращения

Общим местом в советской историографии этого периода было определение сложившейся в результате первой российской революции политической системы как третьеиюньской, которая характеризовалась вслед за В.И. Лениным как второй шаг по пути превращения самодержавия в буржуазную монархию. Вместе с тем в исторической литературе того времени можно выделить три подхода к трактовке политического содержания третьеиюньской монархии, образно говоря, к измерению длины этого «второго шага».

В рамках одного из подходов утверждалось, что Основные государственные законы 1906 г. ограничили власть монарха формально, только на бумаге (Н.П. Ерошкин, С.М. Сидельников). Другой подход был представлен в работах Е.Д. Черменского, полагавшего, что нельзя дать однозначный ответ на вопрос: сохранился ли абсолютизм в России после 1905 г. или она перешла к конституционной форме правления, не соглашаясь при этом со сторонниками признания только формального ограничения власти императора в России¹. Завершенная формулировка базового тезиса, выдвинутого в рамках третьего подхода, принадлежит В.С. Дякину. Он определил третьеиюньскую систему как политическую систему дуалистической монархии, «государственно-правовая конструкция» которой была создана Основными законами 1906 г.²

Таким образом, в работах советских историков второй половины 1960-х – рубежа 1980-х и 1990-х гг. место Государственной Думы и Государственного Совета в политической системе России начала XX в., их участие в процессе принятия государственных решений рассматривалось на основе относительно широкого круга источников, в котором базовыми становятся стенографические отчеты заседаний представительных учреждений. Несмотря на господство марксистско-ленинской методологии, в исторической литературе той поры получают «прописку» термины *парламентаризм*, *парламент*, чаще в кавычках, реже без них, расширяется перечень отдельных аспектов «парламентской» проблематики, которые признавались приемлемыми предметами изучения. Результаты исследований, прежде всего А.Я. Авреха, Р.Ш. Ганелина, В.С. Дякина, С.В. Тютюкина, В.В. Шелохаева, соз-

---

самодержавия в буржуазную монархию»)). В рамках данного периода кандидатские диссертации были защищены А.П. Бородиным («Государственный совет и стольпинская программа преобразований в области местного управления, суда и начального образования» – 1977 г.) и Е.Э. Новиковой («Государственный совет в годы первой мировой войны 1914–1917 гг. (Из истории кризиса “верхов” накануне Февральской буржуазно-демократической революции)» – 1985 г.).

¹ Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. . С. 24–25.

² См.: Кризис самодержавия в России. 1895–1917. – Л., 1984. С. 343.

давали фундамент для становления парламентской истории России как самостоятельного научного направления.

В *третьем параграфе* к характерным чертам современной историографии парламентской истории начала XX в. отнесены плюралистичность методологических парадигм, используемых для объяснения направленности политического процесса в тогдашней России, и более широкое применение междисциплинарных исследовательских практик. Авторы работ, не удовлетворяясь только традиционными методами исторической науки, обращаются к теории и методам политического анализа¹, математической статистики², современным информационным технологиям, позволяющим создавать информационные системы и компьютеризированные базы данных депутатского корпуса и парламентского поведения. Так с 2003 г. в лаборатории исторической и политической информатики историко-политологического факультета ПермГУ реализуются проекты создания информационных систем «Российские парламентарии начала XX века» и «Стенографические отчеты Государственной Думы, 1906–1917» (научный руководитель – И.К. Кирьянов).

Последние годы отмечены активной публикацией разнообразных источников; существенным увеличением количества защищенных диссертаций по самым различным научным направлениям; появлением солидных энциклопедических изданий³.

В многочисленных монографиях и статьях парламентские сюжеты рассматриваются как в широком контексте отечественного политического процесса начала XX в.⁴, так и выступают в качестве самостоя-

---

¹ См. например: *Кирьянов И.К.* Провал премьеры либеральной пьесы: Первый опыт российского транзита // ПОЛИС: Политические исследования. – 2005. – № 5. – С. 118–131; *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. – М., 1997; *Пивоваров Ю.С.* Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. – М., 2006; *Селунская Н., Тоштендаль Р.* Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. – М., 2005.

² См. например: *Алескеров Ф.Т., Кравченко А.С.* Распределение влияния фракций в Государственных думах Российской империи, 1905–1917 гг. – М., 2005; *Кирьянов И.К.* Социокультурные факторы политического выбора в России начала XX в. // *Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе.* – М., 2001. С. 39–52; *Кирьянов И.К., Корниенко С.И.* Количественные методы исследования истории парламентаризма в России начала XX в. // *Проблемы методологии и источниковедения / Материалы III Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко.* – М., 2006. С. 483–486; *Рыбка О.Ю.* Государственная Дума в системе государственной власти России в начале XX столетия. – М., 2001. С. 38–43.

³ См.: *Государственная дума России. 1906–2006. Энциклопедия.* Т. 1. Государственная дума Российской империи. 1906–1917. – М., 2006; *Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия.* – М., 2008; *Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия.* – М., 2008; *Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия.* – М., 1996.

⁴ См. например: *Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия.* – М., 1995; *Власть и реформы: От самодержавной к советской России.* – СПб., 1996; *Медушевский А.Н.* Указ. соч.; *Модели общественного переустройства России. XX век.* – М., 2004.

тельного предмета исследования (очерки истории Государственной Думы¹, место законодательных палат в политической системе Российской империи и механизмы их деятельности², парламентские фракции и их активность³, расширение политического пространства и национально-региональные аспекты функционирования парламентской системы⁴, парламентская деятельность отдельных российских политиков⁵, роль Государственной Думы на начальном этапе революции 1917 г.⁶).

---

¹ См. например: Государственная дума в России (1906–1917 гг.): Обзор / Ред. А.А. Твердохлеб, В.М. Шевырин. – М., 1995; *Лукоянов И.В.* У истоков российского парламентаризма. – СПб., 2001; *Лукоянов И.В., Любимирова Е.Ф., Соколов А.Р.* Государственная Дума в России. 1906–1917: Историко-документальное издание. – СПб., 2006; *Мальцева О.Г.* Думская монархия: рождение, становление, крах. – Ростов-н/Д., 2004; *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. – М., 1998.

² См. например: *Бородин А.П.* Государственный совет России (1906–1917). – Киров, 1999; *Демин В.А.* Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. – М., 1996; *он же.* Верхняя палата Российской империи, 1906–1917. – М., 2006; *Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н.* Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906–1917. – Пермь, 1995; *Кошкидько В.Г.* Представительная власть в России: формирование и функционирование (1905–1917). – М., 2000; 2002; *Рыбка О.Ю.* Указ. соч.; *Юртаева Е.А.* Государственный совет в России (1906–1917 гг.). – М., 2001.

³ См. например: *Аронов Д.В.* Законодательная деятельность российских либералов...; *Дорошенко А.А.* Правые в Государственных Думах Российской империи. – Самара, 2004; *Козбаненко В.А.* Партийные фракции в I и II Государственных Думах России. 1906–1907. – М., 1996; *Усманова Д.М.* Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917). – Казань, 1999.

⁴ См. например: *Анохина З.Н.* Уральские депутаты в Государственной думе (1905–1907 гг.). – Челябинск, 2006; *Братолобова М.В.* Казачество и Государственная дума начала XX века // Имперские и национальные модели управления: российский и зарубежный опыт. – М., 2007. С. 395–405; *Канищев В.В., Щербинин П.П.* Городские средние слои на выборах I–IV Государственных дум: (По материалам Центрально-Черноземного региона) // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – 1996. – Вып. 2. – С. 67–74; *Кирьянов И.К.* Пермские депутаты Государственной Думы. – Пермь, 2006; *Нарский И.В.* Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г.: (К вопросу о демократической традиции в России). – Челябинск, 1995. Ч. 1–2; *Усманова Д.М.* Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. – Казань, 2005; *Циунчук Р.А.* Думская модель парламентаризма в Российской империи...

⁵ См. например: *Аронов Д.В.* Первый спикер: опыт научной биографии Сергея Андреевича Муромцева. – М., 2006; *Архипов И.Л.* Председатель Государственной думы М.В. Родзянко // Отечественная история. – 2006. – № 3. – С. 114–126; Государственная Дума Российской империи: портреты политических лидеров (1906–1917). – М., 2006; *Кирьянов И.К.* Владимир Митрофанович Пуришкевич: депутат-фракция // Консерватизм: идеи и люди. – Пермь, 1998. С. 105–122; *он же.* М.М. Алексеенко – «отец делового парламентаризма» // Власть. – 2009. – № 4. – С. 127–130; *Шелухаев В.В.* Судьба русского парламентария (Ф.Ф. Кокошкин) // Отечественная история. – 1999. – № 5. – С. 44–73.

⁶ См. например: *Николаев А.Б.* Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. – Рязань, 2002; *он же.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. – СПб., 2005.

В рамках современной историографической ситуации, как и прежде, исследователи разнятся в своих оценках характера политической системы России начала XX в. Одни вслед за Е.Д. Черменским полагают, что «данный вопрос вообще не имеет однозначного решения» (О.Ю. Рыбка), другие утверждают категорически, что в России утвердился режим конституционной монархии (И.А. Исаев). Большинство же современных исследователей, указывая на переходный характер политической системы, предпочитают анализировать конкретное ее содержание в парадигмах либо «второго шага» (Р.Ш. Ганелин, В.В. Лузин), либо дуалистической монархии. Обращает на себя внимание использование историками разнообразных формулировок для определения дуалистической монархии: «конституционная дуалистическая монархия» (В.А. Демин, С.В. Куликов), «система монархического конституционализма» (И.А. Кравец), «думская монархия» (О.Г. Малышева, Р.А. Циунчук, В.В. Шелохаев). Особое место в современном историографическом процессе занимают работы А.Н. Медушевского, анализирующего политическую систему Российской империи начала XX в. исходя из концепции мнимого конституционализма¹.

Заметным явлением современной историографической ситуации стало регулярное проведение тематических научных конференций и семинаров. Разнообразные научные мероприятия, посвященные 100-летию со времени открытия заседаний Государственной Думы первого созыва, были проведены в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Казани, Пензе, Адлере, Перми и других городах. Многие выступавшие на этих научных мероприятиях, характеризуя или только затрагивая различные аспекты политической модернизации России начала XX в., в той или иной мере сосредоточивали внимание на демократической составляющей этой трансформации, определяя, тем самым ориентиры для дальнейших исследований.

Знаменательными событиями, имеющими большое значение для развития исследований по думской проблематике, явились создание в 2006 г. по решению Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ Музея истории парламентаризма в России, а также проведение 11 декабря 2007 г. на базе этого музея научно-практического семинара «Актуальные проблемы истории парламента-

---

¹ См.: Медушевский А.Н. Что такое мнимый конституционализм?// Социологические исследования. – 1994. – №2. – С.71–86; *он же*. Конституционная монархия в Европе, Японии и России (сравнительное исследование конституционных актов)// Общественные науки и современность. – 1994. – №6. – С.71–88; *он же*. Теория конституционных циклов. – М., 2005.

ризма в России в начале XX века», заложившего основы для институционализации регулярных научных конференций – Таврических чтений¹.

Вплоть до современного этапа отечественная историография парламентской истории России начала XX в. развивалась практически вне связи с еще двумя историографическими потоками – Русского зарубежья и западной русистики, а если и соприкасалась с ними, то представители последних выступали исключительно в качестве «буржуазных фальсификаторов». Зарубежная историография парламентской истории России начала XX в. анализируется в *четвертом параграфе*.

Специфика историографического процесса, связанного с рассматриваемой проблематикой, в Русском зарубежье заключалась в том, что он во многом являлся продолжением либерального направления в до-советской России. Русскоязычные статьи и воспоминания преимущественно все тех же авторов публиковались в эмигрантских изданиях и периодической печати (М.М. Винавер, В.А. Маклаков, П.Н. Милуков, П.Б. Струве и др.). В центре внимания оставались примерно те же проблемы, но рассматриваемые теперь уже с учетом горького политического опыта.

Для эмигрантской публицистики первых двух десятилетий характерно выяснение «отношений», поиск «виноватых» и размышления о том, что было сделано неверно. С критикой политической линии кадетов, проводимой в период первого и второго созывов Государственной Думы, милуковского тезиса о «неискренних уступках»² старой власти общественным течениям выступил В.А. Маклаков. Им был сформулирован «парадокс», который состоял в том, что в период работы Государственной Думы первого созыва «конституцию» защищало правительство, а «пережитки самодержавия» – Дума. Главный грех Думы первого созыва, полагал В.А. Маклаков, заключался в том, что она «подорвала... мистику конституции». Он утверждал, что кадеты были «во многом повинны в неудаче нашего конституционного опыта»³. В работах профессиональных историков из эмигрантской среды получило распространение понятие «думская монархия», введенное в 1939 г. С.С. Ольденбургом⁴.

---

¹ См.: Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века: Сб. науч. статей. – СПб., 2008.

² См.: Милуков П.Н. История второй русской революции. – М., 2001. С. 23.

³ См.: Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума. (Воспоминания современника). – Л., 1991. С. 6, 7, 9, 51.

⁴ См.: Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. – М., 1992. Т. II. С. 5, 9. Также см.: Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. – СПб., 1999. С. 391; Рутыч Н.Н. Думская монархия: Статьи разных лет. – СПб., 1993. Это определение использовалось и

В Европе и Америке изучение эволюции российской политической системы в начале XX в. началось параллельно с самим этим процессом. Иностранцы исследователи (Б. Пэйрс, Ф. Ренне, Р. Рекули, Д. Торнгрен, С. Харпер, П. Шаль и др.) анализировали законодательные акты периода реформы государственного строя, формально-правовой статус и политические практики взаимоотношений императора, правительства, Государственной Думы и Государственного Совета, думские избирательные кампании.

Проблеме конституционной модернизации российской монархии посвятил в 1906 г. специальную работу М. Вебер. Анализируя сложившуюся в России систему взаимоотношений в треугольнике «парламент – бюрократия – корона», М. Вебер определил ее как мнимый конституционализм (*Scheinkonstitutionalismus*) в противоположность английской конституционной системе, поклонником которой он был. Мнимый конституционализм, по мнению немецкого социолога, предполагает «исчезновение последних элементов самодержавия в старом смысле и установление власти модернизированной бюрократии» при наличии «призрачного парламента»¹.

Всплеск исследовательского интереса в зарубежной русистике к парламентской проблематике начала XX в. был отмечен на рубеже 1950-х и 1960-х гг. Во-первых, именно тогда для западной историографии наиболее важной исследовательской проблемой становится уже не сама революция 1917 г., а ее причины. Во-вторых, для западных историков «приоткрылись» российские архивы. В-третьих, этот всплеск явился ответной реакцией на аналогичное оживление интереса к рассматриваемой проблематике у советских историков.

Зарубежных исследователей привлекали в первую очередь сюжеты, связанные с реформой государственного строя Российской империи, социальными основаниями и характером третьеиюньской политической системы, взаимоотношениями императора, правительства и законодательных учреждений², избирательными кампаниями и ролью

западными русистами, см. например: *Szeffel M.* The Russian Constitution of April 23, 1906: Political Institutions of Duma Monarchy. – Bruxelles, 1976.

¹ См.: *Вебер М.* Переход России к псевдоконституционализму // Вебер М. О России: Избранное. – М., 2007. С. 66, 68, 69. Более точным представляется перевод немецкого понятия “*Scheinkonstitutionalismus*” как мнимый конституционализм. Именно в таком переводе использовал данное понятие П.Н. Милоков, а сегодня, как уже отмечалось, А.Н. Медушевский. Вероятно, термин «псевдоконституционализм», встречающийся в работах В.И. Ленина, является еще одним вариантом перевода “*Scheinkonstitutionalismus*”. О знакомстве лидера большевиков с работами М. Вебера, посвященными политическим проблемам России см.: *Ленин В.И.* Доклад о революции 1905 года // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 324–325.

² См. например: *Ascher A. P.A.* Stolypin. The Search for Stability in Late Imperial Russia. – Stanford; California, 2001; *Haimson L.H.* The Russian Landed Nobility and the System of the Third of June //

политических партий в Государственной Думе¹, составом и деятельностью Государственной Думы и Государственного Совета², реже – с политическими биографиями российских парламентариев³.

К «классике жанра» в западной историографии парламентской истории России начала XX в. можно отнести фундаментальную работу Дж. Хоскинга. Для английского русиста история третьеиюньской системы – это история попыток взаимодействия власти с умеренной частью российского общества. Только в рамках третьеиюньской системы, по его мнению, «конституционный эксперимент» мог показать свою «жизненность». Неудачу этого «эксперимента» Дж. Хоскинг связывает с «двусмысленностью» и наличием «лазеек» в правовом основании конституционной системы – Основных государственных законов 1906 г., с «консервативной» ролью Государственного Совета, но в большей степени – с тем, что «общественность» и «власть» не смогли прийти к сотрудничеству по причине отсутствия того, что сегодня принято называть базовым консенсусом⁴.

Заметным событием в западной историографии проблемы стала публикация в 2002 г. книги А. Коррос. В этой работе автор впервые в зарубежной русистике попыталась проанализировать трансформацию

The Politics of Rural Russia, 1905–1914. – Bloomington, 1979. Pp. 1–29; *Healy A.E.* The Russian Autocracy in Crisis, 1905–1907. – Hamden, Connecticut, 1976; *Hosking G.* The Russian Constitutional Experiment. Government and Duma 1907–1914. – Cambridge, 1973; *Manning R.T.* The Crisis of the Old Order in Russia. Gentry and Government. – Princeton, 1982; *Mehlinger H., Thompson J.M.* Count Witte and the Tsarist Government in the 1905 Revolution. – Bloomington, 1972; *Szeffel M.* The Russian Constitution of April 23, 1906. . . ; *Tadacu K.* Думское законодательство начала XX века и его значение для государственного единства Российской империи // *Acta Slavica Iaponica.* – 2005. – Vol. 22. – Pp. 73–94; *Tokmakoff G.P.A.* Stolypin and the Third Duma. – Washington, 1982; *Verner A.M.* The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution. – Princeton, 1990; *Waldron P.* Between Two Revolutions. Stolypin and the Politics of Renewal in Russia. – De Kalb, 1998.

¹ См. например: *Dahlmann D.* Die Provinz wählt. Rußlands Konstitutionell-Demokratische Partei und Dumawahlen 1906–1912. – Köln; Weimar, Wien, 1996; *Edelman R.* Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party, 1907–1917. – New Brunswick; N.-Y., 1980; *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. – Cambridge; L., 1983; *Pinchuk B.C.* The Octobrists in the Third Duma, 1907–1912. – Seattle; L., 1974; *Rawson D.C.* Russian Rightists and the Revolution of 1905. – Cambridge, 1995.

² См. например: *Conroy M.S. (ed.)* Emerging Democracy in Late Imperial Russia: Case Studies on Local Self-Government, State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council before and during World War I. – Niwot, 1998; *Korros A.S.* Reluctant Parliament: Stolypin, Nationalism and the Politics of the Russian Imperial State Council, 1906–1911. – Lanham, 2002; *Levin A.* The Second Duma: A Study of Social-Democratic Party and the Russian Constitutional Experiment. – Hamden, Connecticut, 1966 (первое издание увидело свет в 1940 г.); *Levin A.* The Third Duma: Election and Profile. – Hamden, 1973; *Mosse W.E.* Russian Bureaucracy at the End of Ancien Regime: The Imperial State Council, 1897–1915 // *Slavic Review.* – 1980. – № 4. – Pp. 616–632.

³ См.: *Lieven D.* Russia's Rulers under the Old Regime. – New Haven; L., 1989; *Brzoza Cz., Stepan K.* Posłowie Polscy w Parlamencie Rosyjskim, 1906–1917: Słownik biograficzny. – Warszawa, 2001.

⁴ См.: *Hosking G.* Op. cit. Pp. vii, 243–246.

Государственного Совета в «работающий законодательный институт». Американская исследовательница опровергает традиционные для ее западных коллег суждения о «монолитности» Государственного Совета, безраздельном доминировании в нем группы правых, подчеркивая при этом, активную роль группы центра в реализации политики П.А. Столыпина. По ее мнению, именно при Столыпине с осени 1907 г. Государственная Дума и Государственный Совет функционировали как «истинные законодательные палаты»¹.

Анализ историографии проблемы показывает, что в исторической науке к настоящему времени окончательно сформировалось новое направление – парламентская история России – развиваемое, прежде всего отечественными исследователями. В рамках данного направления подробно изучены событийная канва истории Государственной Думы, думские избирательные кампании, механизмы функционирования и партийный ландшафт обеих законодательных палат, представительство этноконфессиональных и региональных интересов в новой политической системе.

Вместе с тем по-прежнему ждет своего разрешения проблема определения характера политической системы Российской империи в последнее ее десятилетие, по крайней мере, выявления соотношения между авторитарной и демократической составляющими этой системы. В подавляющем большинстве исследований прослеживается «верность» далеко не лучшей историографической традиции – рассматривать Государственную Думу и Государственный Совет независимо друг от друга, а зачастую и просто игнорируя существование верхней палаты. Об этом свидетельствует и распространенность понятия *думская монархия*, и то, что «родоначальницей» парламентской законодательной деятельности предстает исключительно Дума. «Столетие» отечественного парламентаризма связывалось именно с началом деятельности Государственной Думы, а о Государственном Совете в «юбилейном» 2006 г. едва ли не забыли. Вне корпоративного единства изучаются и составы законодательных палат. Также практически отсутствуют сравнительные исследования парламентских практик фракций и групп в Государственной Думе и Государственном Совете, моделей их парламентского поведения.

Во *второй главе «Первый опыт демократического транзита в России»*, состоящей из двух параграфов, политическая модернизация Российской империи в начале XX в. интерпретируется в категориях теории демократического транзита. Отмечается, что событиями, обрамляющими первую попытку перехода России к демократии, являются

---

¹ См.: Korros A.S. Op. cit. Pp. 3, 6, 43, 223–244.

ся назначение 26 августа 1904 г. министром внутренних дел Д.П. Святополка-Мирского и разгон большевиками Учредительного собрания 6 января 1918 г., и предлагается следующая периодизация данного процесса: фаза либерализации – август 1904 г. – сентябрь 1905 г.; фаза прерванной демократизации – октябрь 1905 г. – январь 1918 г.

В *первом параграфе* к базовым причинам начала либерализации отнесены усложнение России как объекта управления, неудачный ход русско-японской войны, подъем и возросшая организованность оппозиционного движения. Смягчение политики режима нашло выражение в частичной амнистии, ограничении административных репрессий, ослаблении давления на прессу, попытках установить контакты с представителями умеренной земской оппозиции, принятии императором указа от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка».

В реализации положений указа, которая пришлось уже на начальный период революции, в плане *либерализации* и проявления новизны в технологии принятия решений обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Во-первых, С.Ю. Витте добился включения в текст упомянутого документа указания на особое место в этом процессе возглавлявшегося им Комитета министров, получив право на всеподданнейшие доклады императору, ранее не принадлежавшее председателю Комитета. Во-вторых, по инициативе С.Ю. Витте Комитет министров свою деятельность по проведению в жизнь положений указа начал с обсуждения самых выигрышных в общественном мнении сюжетов – о законности, страховании рабочих, печати и преобразовании земских и городских учреждений. В-третьих, создавалась целая серия Особых совещаний, в компетенцию каждого из которых входило рассмотрение комплекса мероприятий, вытекавших из отдельных пунктов указа (о законности, печати, новом земском положении, новом городском положении, веротерпимости). Во главе ряда совещаний были поставлены члены Государственного Совета известные своим «либерализмом». В-четвертых, в состав некоторых совещаний наряду с чиновниками были включены и представители общественности. В-пятых, не дожидаясь результатов работы Особых совещаний, Николай II по представлению Комитета министров отменил в первую половину 1905 г. некоторые нормы, ограничивавшие те или иные права различных групп населения. Шагом по пути к гласности и публичности в принятии политических решений явилось решение о публикации журналов Комитета министров в открытой печати.

Наиболее важной составляющей процесса либерализации стал первый этап реформы государственного строя Российской империи, который может быть датирован 18 февраля (подписание Николаем II рескрипта на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина, в котором говорилось о желании императора привлечь «достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений») – 6 августа 1905 г. (законодательное оформление идеи народного представительства в Манифесте «Об учреждении Государственной Думы», «Учреждении Государственной Думы», «Положении о выборах в Государственную Думу»). Стремление найти компромисс с умеренной оппозицией подчеркивалось официально провозгласившимися мотивами преобразований: совместная работа «правительства и зрелых сил общественных, для осуществления предначертаний наших, ко благу народа направляемых» (18 февраля) и согласование «выборных общественных учреждений с правительственными властями и искоренение разлада между ними, столь пагубно отражающегося на правильном течении государственной жизни» (6 августа).

Во *втором параграфе* подчеркивается, что объективно возможности либерализации в России были весьма ограничены: с одной стороны, не появилось лидера–реформатора среди правящей элиты (время С.Ю. Витте и П.А. Столыпина пришло несколько позже), с другой – не сложились сколько-нибудь развитые структуры гражданского общества. Отсутствие того и другого заменила собой революция, которая одновременно диктовала стихийный сценарий либерализации режима и демонстрировала недостаточность либерализации как таковой для нормализации политической жизни в стране. Вместе с тем, если самодержавию и удалось укротить революционную стихию, то благодаря не столько грубой силе, сколько тому, что *революция снизу* была противопоставлена *революция сверху* как совокупность кардинальных социальных и политических реформ.

К наиболее значимым шагам начавшейся демократизации можно отнести второй этап реформы государственного строя – от принятия Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» до утверждения императором 23 апреля 1906 г. Основных государственных законов Российской империи, в рамках которого были проведены принципиальные институциональные изменения и заложены правовые основы новой политической системы; первую в российской истории широкую политическую амнистию; попытки Витте образовать коалиционный состав Совета министров, куда наряду с бюрократами должны были войти и представители умеренной оппози-

ции (переговоры велись с 19 по 27 октября и включали встречи Витте даже с лидерами кадетской партии, а также аудиенции Д.Н. Шипова и А.И. Гучкова у императора); предоставление Манифестом 22 октября всеобщего избирательного права населению Великого княжества Финляндского на выборах депутатов финского сейма; практически отказ властей от использования административного ресурса в ходе первых выборов в Государственную Думу; переговоры Д.Ф. Трепова и А.П. Извольского в мае–июне 1906 г. с общественными деятелями о возможности создания коалиционного с кадетами правительства во главе с С.А. Муромцевым; приглашение П.А. Столыпина лидерам октябристов в июле 1906 г. войти в состав правительства).

В результате проведения реформы в стране был установлен режим *дуалистической* монархии, предполагающий сочетание элементов неограниченной и конституционной монархии в условиях незавершенного разделения властей и просуществовавший в России до падения монархии в 1917 г.

Анализируя внутреннюю трансформацию России в начале XX в. ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что в новой системе международных отношений и военно-политических блоков Россия оказалась союзницей ведущих европейских демократий – Франции и Великобритании, что, в свою очередь, обязывало российскую политическую элиту действовать с оглядкой на правительства и общественное мнение этих стран.

Основной проблемой демократического транзита начала XX в., оставшейся неразрешенной, был так и несостоявшийся пакт между реформаторами из среды высшей бюрократии и либеральной оппозицией. Первые еще могли быть более или менее последовательными либерализаторами, но по природе своей не могли быть последовательными демократизаторами, явно предпочитая предсказуемость результатов политического процесса их неопределенности, ориентируясь в лучшем случае, по определению транзитологов, на «демократию с гарантиями», но не на демократию без гарантий.

Институциональными гарантиями, позволившими бюрократии контролировать политический процесс, были «разграничение власти верховного управления от власти законодательной», реформирование Государственного Совета, получившего в результате его равные с Думой полномочия, формальная безответственность министров перед законодательными палатами. Затем к списку гарантий добавили избирательный закон 3 июня 1907 г., с помощью которого П.А. Столыпин покончил с состоянием неопределенности, характерным для периода

деятельности Государственной Думы первых двух созывов, но сохранил сам институт законодательного народного представительства.

Самые серьезные последствия для демократизации имел парламентский кризис 12–14 марта 1911 г., связанный с принятием указа о введении земств в шести губерниях Западного края. Именно этот кризис с наибольшей полнотой продемонстрировал предельность демократического потенциала «конституционного министра», каким себя считал П.А. Столыпин. Именно этот кризис разрушил политическое сотрудничество правительства и октябристского большинства в Государственной Думе третьего созыва, благодаря которому оказалось возможным проведение достаточно широкого круга социальных реформ, возродил противостояние власти и общественности.

Шанс вывести процесс демократизации из тупика предоставила Первая мировая война и обнаружившееся «единение царя и народа», что продемонстрировала чрезвычайная думская сессия 26 июля 1914 г. И император, и высшая бюрократия по мере нарастания кризиса проявили готовность (можно сказать, вынужденную готовность, а по-другому и не бывает) сделать шаги навстречу Государственной Думе. В прямом смысле это случилось 9 февраля 1916 г., когда император решился на посещение законодательных палат.

В «сценарий» демократизации военного периода вписываются складывавшаяся практика назначения министров и товарищей министров из среды думцев и членов Государственного Совета по выборам и удаление из состава правительства наиболее одиозных в восприятии Думы сановников (июнь – июль 1915 г.); рассмотрение императором и министрами различных списков состава правительства доверия, включая и список кабинета во главе с «общественной» фигурой; введение в состав Особого совещания по обороне и его структурных подразделений членов законодательных палат; привлечение к снабжению армии земского и городского союзов.

Ключевую роль в этом процессе играл «фактический премьер» в правительстве И.Л. Горемыкина – А.В. Кривошеин, олицетворяя собой лидера–реформатора в очередной раз расколовшейся правящей элиты. Именно он инициировал создание Прогрессивного блока, надеясь «опереться на большинство в палатах», когда станет председателем Совета министров. Однако планам А.В. Кривошеина не суждено было сбыться. Инициированный им блок практически сразу же вышел из-под контроля, в немалой степени из-за позиции П.Н. Милюкова.

Высвобождение из-под авторитарного режима в России начала XX в. приобрело вялотекущий характер. Реформаторам из правящей элиты не удалось нейтрализовать сторонников твердой линии, а уме-

ренной оппозиции – поставить под контроль радикалов. После революции 1905–1907 гг. политическая система дуалистической монархии по разным причинам уже мало кого устраивала из основных акторов политического действия. Начавшаяся в феврале 1917 г. революция привела к неконтролируемому распаду системы, к ситуации неопределенности. Успешнее других этой ситуацией удалось воспользоваться радикальным силам, которые, прикрываясь демократическими лозунгами, установили в России тоталитарный режим.

В *третьей главе «Рождение homo politicus в России начала XX века»*, состоящей из двух параграфов, анализируется превращение российского обывателя из объекта политического управления в системе неограниченной и самодержавной монархии в субъект политического процесса в системе дуалистической монархии. Массовое политическое поведение в России приобретало черты участия в функционировании существующей системы, а не только в ее революционном низвержении, как было ранее. Феномен политического в России начала XX в. превращался в неотъемлемый элемент повседневности.

В *первом параграфе* рассматриваются различные формы включения подданных российского императора в политическую жизнь. Институциональными формами активного политического участия являлись избирательные кампании в Государственную Думу и членство в политических партиях. Частичная легализация партий и последовавшее в скором времени укоренение фракционного начала в деятельности Государственной Думы привели к институционализации партий как элементов системы дуалистической монархии. Формировавшаяся многопартийная система ярко отразила противоречивость новой политической системы в целом: в Таврическом дворце заседали и участвовали в принятии государственных решений представители не только легализованных партий, но и тех, принадлежность к которым влекла за собой уголовную ответственность.

Архитекторы новой политической системы стремились максимально привязать ее к социальному рельефу тогдашней России. Не без колебаний был сделан выбор в пользу представительства интересов, а не сословий, как основы избирательной системы. Анализ социальных характеристик выборщиков в третьей думской кампании в Европейской России позволяет выделить социальные приоритеты основных категорий электората. Избиратели землевладельческой курии отдавали предпочтение дворянам со средним образованием, получавшим доходы от сельского хозяйства и имевшим опыт государственной или общественной службы. Уполномоченные от волостей ориентировались на крестьян с низшим образованием, занимавшихся земледельческим

трудом. Среди выборщиков от первых городских съездов преобладали лица купеческого звания с низшим или домашним образованием, связанные с торгово-промышленной деятельностью, а среди выборщиков от вторых съездов – дворяне с высшим образованием, посвятившие себя интеллектуальным и свободным профессиям. Рабочий электорат ориентировался на молодых людей крестьянского происхождения с низшим образованием, работавших по найму.

Установленные законодателем «правила игры» обрекали политическое поведение избирателей на прямую зависимость от их социальных интересов и положения. В этом же направлении оказывали воздействие и реальные условия социальной жизни в России. Феномен множественности партий в начале XX в. объяснялся, прежде всего, дробностью социальной структуры российского общества, многонациональным составом населения империи.

Расколотость российского общества в немалой степени была производной от процесса модернизации, получившего ускорение в результате Великих реформ 60 – 70-х гг. XIX в. На обширнейшей территории Российской империи процесс модернизации протекал неравномерно и неоднородно. Для исследования этих процессов был применен метод компьютеризированного кластерного анализа типов и уровней модернизационного развития, сформировавшихся к 1907 г. в 50 губерниях Европейской России. Губернии сравнивались между собой по следующим показателям: доля населения, занятого в промышленности, по отношению ко всему населению как отражение социальных последствий промышленного развития в условиях первичной индустриализации; численность городского населения как характеристика уровня урбанизации; доля частных земель в общем крестьянском землепользовании как отражение процесса разрушения традиционного уклада, базировавшегося на принципе сословности землевладения; доля вкладчиков в сберегательные кассы в городах и в сельской местности по отношению ко всему городскому и сельскому населению как характеристика вовлеченности населения в систему рыночных отношений; доли неместных уроженцев в составе населения (внутренняя иммиграция) и проживавших вне пределов губернии, в которой родились (внутренняя эмиграция) как показатели уровня социальной мобильности; доля грамотных в составе всего населения как отражение культурных сдвигов в обществе; доля грамотных в составе женского населения и доля девочек, обучающихся в школах как отражение готовности общества к инновациям.

Анализ позволил распределить все губернии Европейской России по 20 кластерам (группам), что свидетельствует о явной неравномер-

ности протекания и неоднородности процесса модернизации, а, следовательно, о расколотости социального пространства Европейской России между двумя полюсами – Вятской и столичными губерниями. Были выделены три типа модернизационных процессов в начале XX в., являвшихся одновременно отражением различных стадий в развитии этих процессов. Тип, который можно условно определить как «центр модернизации», включает в себя Курляндскую, Лифляндскую, Московскую, Санкт–Петербургскую и Эстляндскую губернии. Перечисленные губернии являлись лидерами отечественной модернизации, пройдя на тот момент наибольшее расстояние по пути от традиционного общества к индустриальному. Противоположностью столично-прибалтийскому выступает тип, условно определяемый как «периферия модернизации». Данный тип объединяет Вологодскую, Воронежскую, Вятскую, Казанскую, Олонецкую, Симбирскую, Тамбовскую и Уфимскую губернии. Эти губернии отличались негородским и неиндустриальным характером развития. Они представляют собой пример того, как приспособлялась и изменялась (была вынуждена приспособляться и изменяться) аграрная глубинка под воздействием импульсов, шедших со стороны «центра модернизации». Между «центром модернизации» и «периферией модернизации» расположились остальные губернии Европейской России.

Социальные различия выделенных типов оказывали влияние на политическое поведение населения этих губерний. Наивысшей электоральной активностью отличалось население губерний, входивших в «центр модернизации». Так, во время третьей избирательной кампании в столично–прибалтийских губерниях приняло участие в уездных съездах уполномоченных от волостей 93.3% избирателей, в уездных съездах землевладельцев – 36.4, в первых съездах городских избирателей – 50.6, во вторых съездах городских избирателей – 43.4. Иной, особенно в городах, была электоральная активность населения «периферии модернизации» – соответственно 93.0, 42.0, 38.0, 32.8%. В губерниях «промежуточного» типа электоральная активность населения характеризовалась «промежуточными» показателями, прежде всего городского, – соответственно 84.7, 45.9, 41.3, 34.7%.

Избиратели «центра модернизации» отличались не только высокой электоральной активностью, но и сформировавшимися партийно-политическими ориентациями. Здесь по данным Санкт-Петербургского телеграфного агентства 78.2% выборщиков в губернских избирательных собраниях являлись членами тех или иных партий. В губернских избирательных собраниях «периферии модерниза-

ции» этот показатель составлял 23.9%, а в губерниях «промежуточного» типа – всего 19.6%.

Исследование показало, что чем выше в той или иной губернии был уровень развития промышленности, социальной мобильности, благосостояния населения, его общей грамотности и готовности к культурным инновациям и чем меньше было развито частное крестьянское землевладение, тем больше было оппозиционно настроенных выборщиков в общем составе губернских избирательных собраний. В частности, в тех губерниях, для которых был характерен наибольший контраст между обеспеченностью горожан и обездоленностью сельских тружеников, шансы социал-демократов и социалистов-революционеров заручиться поддержкой крестьян были наиболее велики. И, напротив, чем ниже был уровень развития промышленности, социальной мобильности, благосостояния населения, его общей грамотности и готовности к культурным инновациям, чем более было развито частное крестьянское землевладение, чем пестрее был национальный состав населения, тем больше было консервативно настроенных выборщиков в губернских собраниях.

Однако только институциональными формами включенность населения в политическую жизнь не ограничивалась. На многочисленных примерах в диссертации показывается политизация деятельности институтов формировавшегося в России гражданского общества. Помимо изначально вовлеченных в эту сферу партий и профессиональных союзов данный процесс охватывал и другие структуры гражданской инициативы: органы местного самоуправления, городские общества обывателей и избирателей, просветительские и научно-технические общества, общества взаимопомощи, объединения национальных меньшинств, светские салоны и т.п.

Человек политический для того, чтобы быть активным субъектом политического процесса, нуждается в постоянном получении новой информации об интересующих его вопросах. Важнейший канал получения такой информации – политическая журналистика. Поэтому рождение homo politicus в России повлекло за собой и появление новой разновидности отечественных журналистов – парламентских репортеров. При Думе были аккредитованы 62 российских периодических издания и 31 иностранное. Отечественные репортеры создали общество думских журналистов («бюро печати»), председателями которого избирались В.В. Светловский, М.М. Федоров, А.А. Пиленко, аналогичное объединение журналистов, аккредитованных при Государственном Совете, возглавлял Л.М. Клячко (Львов).

Политика мощно вторгалась и в культурную жизнь страны. Реальные политические деятели становились героями литературных произведений. К числу таких произведений в России можно отнести неоконченную пьесу М. Горького «Конституция», «романическую оперу» А. Амфитеатрова «Влюбленная Дума, или Аскольдова могила на новый лад», роман В.П. Мещерского «У власти», поэму в стихах В.М. Пуришкевича «Законодатели», «современный роман-хронику» Н. Ерлыкова «Министр», фантазию В. Дорошевича «Премьер: Завтрашняя быль» и др. В театре «Кривое зеркало» Л. Андреев представлял сатирическую миниатюру «Прекрасные сабинянки», направленную своим острием против непоследовательности кадетов, а также водевиль «Конь в Сенате», в котором с горькой иронией изображалась деятельность Государственного Совета и Государственной Думы четвертого созыва. Политика не только предлагала сюжеты для театральных постановок, она сама все более становилась похожей на театральное представление, обращенное к публике, более того, представление, в которое вовлекаются зрители, становясь его участниками.

Во *втором параграфе* анализируется феномен публичного политика, формулирующего социально значимую программу и ориентирующегося в ее выполнении на общественную поддержку. Действующие лица публичной политики в России начала XX в. рекрутировались в основном из двух источников: из высшей бюрократии (министры, члены Государственного Совета по назначению) и из партийных активистов, думцев, членов Государственного Совета по выборам.

Среди высших сановников элементы публичного политического поведения первыми начали демонстрировать Д.П. Святополк-Мирский и С.Ю. Витте. И тот и другой проявляли открытость по отношению к прессе, пытались заручиться поддержкой умеренно настроенных оппозиционных сил. Мирский был первым министром в России, озаботившимся пропагандой своего курса «доверия», он охотно раздавал интервью отечественным и зарубежным журналистам. По инициативе Витте для пропаганды деятельности правительства стала издаваться газета «Русское государство», являвшаяся вечерним приложением к «Правительственному вестнику».

На общем фоне российского высшего сановничества заметно выделялся П.А. Столыпин. Он стал первым по-настоящему публичным политиком, вышедшим из этой среды. Стремясь заручиться общественной поддержкой, Столыпин часто и охотно выступал с думской трибуны, был доступен для общения по разным вопросам с депутатами вне стен Таврического дворца, придавал огромное значение пропаганде правительственной программы реформ, в первую очередь аграрной,

и первым из высших сановников попытался опереться на массовые политические организации – партии.

Если П.А. Столыпин и другие министры протоптали узкую тропинку в публичную политику из своих кабинетов, то большинство публичных политиков первой волны вышло из среды общественных деятелей, ставших членами парламента. В первую очередь публичное политическое поведение было характерно для думцев и выборных членов верхней палаты. Барьеры предвыборной борьбы в дореволюционной России преодолели 1929 членов Думы и Государственного Совета. Многие из них азами публичности овладели, избираясь в органы местного самоуправления. Так, из 234 членов Государственного Совета по выборам гласными земских собраний и городских дум избирались 111 человек, в то время как из 198 членов Совета по назначению, определенных указами императора к присутствию – только 19. В Государственную Думу первого созыва было избрано 115 депутатов, обладавших опытом работы в органах местного самоуправления, второго созыва – 60, третьего – 170, четвертого – 213.

Деятельность публичного политика напрямую связана с представлением общественных интересов, что требует владения навыками публичного выступления. «Начальной школой» *политической* риторики в России стали массовые митинги революционного 1905 г. Особую важность *слова* в тогдашней политической жизни России, в том числе в деле государственного управления, отмечали многие современники, как оппоненты власти, так и ее сторонники. Далеко не случайно в мемуарной литературе при характеристике думцев почти обязательно упоминается об их манере говорить.

В публичной политике наряду со словом принципиально новое значение приобретала даже манера одеваться. Начавшаяся в 1905 г. демократизация политической системы отразилась и на внешнем облике тогдашней политической элиты. Для традиционной бюрократии появление во власти людей в пиджаках было одним из символов крушения старого порядка. Пиджак на плечах отечественных парламентариев символизировал, во-первых, западное происхождение самого института парламента, во-вторых, вхождение политики в российскую повседневность начала XX в. Формирование парламентского дресс-кода, пусть и не обладавшего еще жесткой нормативностью и оставлявшего простор для проявления личного вкуса, было связано с растущим осознанием членами законодательных палат своей принадлежности к отдельной профессиональной корпорации.

В диссертации подчеркивается, что рождение в России феномена человека политического требовало укрепления и расширения институ-

циональных форм участия населения в политическом процессе, подключения к нему аутсайдерских социальных групп, усвоения ценностей политической культуры гражданского типа. Для этого, конечно, необходимо было время, быть может, те двадцать лет спокойной работы, о которых мечтал П.А. Столыпин. Но этого времени не было, над миром дамокловым мечом нависала тень Великой войны. Не было и последовательности в деятельности правительственной власти по укоренению основ конституционного устройства. Между тем человек политический не может удовлетвориться только наделом на политическом поле, который согласен предоставить ему правящий класс. Как в случае с аграрными волнениями крестьян, человек политический в какой-то момент решительно разрушает искусственные заграждения и самовольно распахивает то политическое поле, которое, как он полагает, принадлежит ему по праву и по справедливости.

В *четвертой главе «Парламентарий в дореволюционной России: правовой и общественный статус»*, состоящей из двух параграфов, выборные члены законодательных палат рассматриваются в качестве новой политической субэлиты. В *первом параграфе* подчеркивается, что до принятия Манифеста 17 октября 1905 г. доминирующим был взгляд на членов будущей Думы как на своеобразных экспертов, призванных помочь императору оптимизировать его законодательную деятельность в условиях регионального разнообразия Российской империи. В рескрипте 18 февраля 1905 г. именно «знание местных потребностей» было поставлено на первое место из тех качеств, которые могли позволить «лучшим выборным людям» «обеспечить плодотворность законодательных работ на истинную пользу народа». Функция депутатов быть помощниками императора в деле законодательства рассматривалась как почетная обязанность, как новый тип царской службы. Между тем Манифест 17 октября вместе с отказом от системы неограниченной монархии и предоставлением Государственной Думе законодательных полномочий менял и взгляд на статус и функции депутатов. В самом Манифесте определялась новая функция – «действительное участие в надзоре за закономерностью действия властей». А в Манифесте 20 февраля 1906 г. «Об изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы» они уже рассматривались в качестве народных представителей, посредством которых для подданных российского императора открывались «пути к участию... в делах законодательства».

В новой версии определения депутатского статуса присутствовала известная двойственность, в которой отразилась противоречивость политической системы дуалистической монархии. Будучи представи-

телями народа в системе государственной власти, депутаты вместе с тем наделялись некоторыми атрибутами чиновничества, в частности, за преступления, связанные с деятельностью в качестве членов Государственной Думы, они подлежали суду Верховного уголовного суда с санкции императора.

Члены Думы не были обязаны отчетами перед своими избирателями. Для лишения свободы депутата во время сессии требовалось предварительное согласие Думы, если только он не был задержан на месте преступления или на следующий день. Не подлежали члены Думы и задержанию за долги. Депутат выбывал из состава Думы, если он утрачивал русское подданство или ценз, дававший право на участие в выборах; поступал на действительную военную или гражданскую службу, связанную с определенным окладом содержания, за исключением министерских должностей; признавался виновным в преступных деяниях, повлекших за собой лишение или ограничение прав состояния; отказывался от звания члена Думы или принесения торжественного обещания при вступлении в Думу. Член Думы мог быть временно отстранен от участия в ее работе, если он привлекался к суду или следствию по делам, влекущим за собой ограничение или лишение прав состояния, отрешение от должности, а также при объявлении его несостоятельным должником. Члены Государственного Совета по выборам фактически уравнивались по своему правовому положению с думцами, за исключением права после своего избрания продолжать занимать «другие должности, коим присвоено содержание», правда, отказавшись от сutoчного довольствия.

Согласно ст. 14 «Учреждения Государственной Думы» и ст. 26 «Учреждения Государственного Совета» депутатам предоставлялась полная свобода суждений и мнений по рассматривавшимся в палатах вопросам. Свобода парламентского слова в соответствии с европейскими традициями, уходящими корнями в английский опыт, означала, что члены парламента не могут быть привлечены к ответственности вне парламента ни в уголовном, ни в гражданском, ни в дисциплинарном порядке за голосование, мнения и суждения, высказанные при исполнении депутатских обязанностей. Однако ст. 22 «Учреждения Государственной Думы» вводила норму о порядке привлечения членов Думы «за преступные деяния, совершенные при исполнении или по поводу исполнения обязанностей, лежащих на них по сему званию», автоматически распространявшуюся согласно «Учреждению Государственного Совета» на выборных членов Совета. Явное противоречие между указанными статьями являлось наглядным примером попыток

самодержавия соединить несоединимое в рамках одной системы и приспособить европейские формы к российскому содержанию.

Первоначально члены Государственной Думы получали суточное довольствие (10 руб.), а начиная со второй сессии третьего созыва им полагалось годовое содержание в 4200 руб. Денежное довольствие депутатов было по меркам тогдашней России весьма высоким, что делало привлекательным думский мандат для недостаточно обеспеченных слоев населения, провоцировало особенности электорального поведения, прежде всего в крестьянской среде. Членам Государственного Совета по выборам полагалось суточное довольствие в размере 25 руб., тогда как денежное содержание членов Государственного Совета по назначению, определявшихся к присутствию, законом не регламентировалось, а устанавливалось императором в каждом отдельном случае.

Во *втором параграфе* отмечается, что новые политические практики дуалистической монархии включали в себя и становление политического института лоббистской деятельности. Основная задача лоббизма заключается в обеспечении того, чтобы в законодательных и нормативных актах государственной власти учитывались специфические интересы определенных групп населения и отдельных организаций, иными словами, групп интересов.

В Государственной Думе параллельно с фракционной структурой партийного характера существовали объединения депутатов, основанные на корпоративном принципе. Показательна в этом отношении лоббистская деятельность депутатского корпуса Государственной Думы четвертого созыва, в которой было создано несколько парламентских групп, призванных защищать специфические социальные интересы. К числу подобных образований в Думе последнего созыва можно отнести казачью группу, созданную для «защиты казачьих интересов»; городскую группу, видевшую своей задачей «теоретическое обоснование и достижение межпартийных соглашений по вопросам городского самоуправления»; земскую группу, в состав которой могли входить только те депутаты, которые были связаны с земской деятельностью и которые могли профессионально «разрабатывать земские, экономические и хозяйственные вопросы», исключая при этом «всякие политические тенденции»; крестьянскую группу, стремившуюся «отстаивать и выдвинуть на первый план крестьянские интересы, в пределах которых нет серьезных разногласий между правыми и прогрессивными крестьянами»; сибирскую группу, заявившую о наличии «специальных сибирских интересов»; духовную группу, призванную проводить

«специальные интересы духовенства»¹. Наряду с перечисленными депутатскими группами продолжали действовать сложившиеся в Государственной Думе прежних созывов парламентские объединения этно-конфессионального типа – польское коло, мусульманская группа, польско-литовско-белорусская группа.

Вне Государственной Думы и Государственного Совета наиболее полное институциональное оформление получили такие группы интересов как дворянство и предприниматели. Но если большинство участников съездов объединенного дворянства отрицательно относились к парламентским учреждениям, предпочитая напрямую обращаться к императору, то съезды представителей промышленности и торговли изначально ориентировались на лоббирование своих интересов в законодательных учреждениях. Активизация лоббистской деятельности Совета Съездов была связана с началом работы Государственной Думы третьего созыва и нашла организационное выражение в создании «Совещания членов Государственного Совета и Государственной Думы, интересующихся работами обеих палат в области промышленности, торговли и финансов» или «Торгово-промышленного межпарламентского комитета».

Характерной чертой складывавшейся практики защиты интересов представляемой лоббистом организации в законодательных учреждениях было то, что в роли лоббистов выступали, как правило, сами парламентарии. Корпорация профессиональных посредников между группами интересов и законодателями в России еще не сформировалась.

Депутаты довольно успешно освоили практику лоббирования интересов тех губерний, от которых они были избраны. Министр торговли и промышленности в столыпинском кабинете С.И. Тимашев в своих воспоминаниях специально останавливается на такой «теневой стороне думских работ», как «перевес в некоторых случаях местных интересов над общегосударственными»². Далеко не всегда «депутатская помощь» была бескорыстной, и, прежде всего в тех случаях, когда речь шла о лоббировании интересов тогдашних российских бизнес-структур.

Многие думцы первых двух созывов широкими кругами населения, и прежде всего крестьянами, рассматривались в качестве *народных заступников*, которые в нелегкой борьбе с ненавистными чиновниками стремились добиться *блага для народа*, тем более что многие

---

¹ См.: Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной Думы // Вопросы истории. – 1999. – № 1. – С. 21; № 3. – С. 26; № 4–5. – С. 18; № 7. – С. 6; № 8. – С. 25, 26; № 10. – С. 6; № 11–12. – С. 15, 27; 2000. – № 6. – С. 12.

² См.: Тимашев С.И. Кабинет Столыпина: из «Записок» министра торговли и промышленности // Русское прошлое. – СПб., 1996. Кн. 6. – С. 120.

из них пострадали в этой борьбе. По-иному складывалось отношение к депутатам Государственной Думы третьего и четвертого созывов, большинство которых по социальному положению принципиально отличались от основной массы избирателей, по крайней мере, *своими* они не воспринимались и на роль *радетелей за народные нужды* не подходили.

Для определения связи между социокультурными характеристиками депутатов (возраст, национальность, вероисповедание, сословная принадлежность, образование, род занятий, имущественное положение, опыт общественной и административной деятельности) и их принадлежностью к той или иной фракции (политический выбор) был применен метод корреляционного анализа. Вычисление коэффициента контингенции позволило выделить социокультурные типы фракций, а определение коэффициента ассоциации – указать те факторы, которые обусловили специфику социокультурного облика той или иной фракции. Исследование с помощью указанного метода дало возможность выделить два типа социальной детерминации политического выбора в России начала XX в., условно называемые открытым и закрытым. Открытый тип отличается отсутствием жесткой детерминированности политического выбора какими-либо социокультурными факторами. Он характерен для фракций реформистской направленности (кадеты, октябристы, отчасти трудовики). Закрытый тип представлен теми фракциями, принадлежность к которым ассоциировалась с жесткой привязкой к определенным социокультурным признакам. В этом типе выделяются два подтипа: социально-аутсайдерский (социал-демократическая фракция) и национально-конфессиональный (с одной стороны, группы польского коло, мусульманская, отличавшиеся выраженной реформаторской направленностью, с другой – фракция правых). В первом случае принадлежность к социал-демократической фракции ассоциировалась с аутсайдерскими социальными признаками, во втором случае принадлежность к указанным фракциям связывалась с конкретной национальной и конфессиональной принадлежностью.

В *пятой главе «Модели парламентского поведения в России начала XX века»*, состоящей из четырех параграфов, парламентская деятельность рассматривается в качестве ведущей сферы публичной политики той поры. Государственная Дума (в большей степени) и Государственный Совет (в меньшей степени) выступали теми институтами политической системы, в которых происходило преобразование социальных требований и интересов в подготовку совокупности законодательных и бюджетных актов, определявших политику правительства. В *первом параграфе* отмечается, что важнейшим источником

формирования отечественной парламентской процедуры явились традиции европейских законодательных собраний. На деятельность верхней палаты, безусловно, оказывали влияние традиции, сложившиеся в дореформенном Государственном Совете. Их носителями выступали члены Совета по назначению, однако специально для членов верхней палаты Государственной канцелярией была издана брошюра «Очерки внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы».

В диссертации подробно рассматриваются и сравниваются процедурные практики законодательных палат, при этом подчеркивается, что, конструируя народное представительство в России, правящая элита пыталась всеми силами предотвратить превращение Государственной Думы и Государственного Совета в аналог европейского парламента. Достигнув определенных успехов в ограничении полномочий палат, она оказалась не в состоянии воспрепятствовать усвоению законодателями форм современной им парламентской деятельности.

Во *втором параграфе* на основе применения методов математической статистики по 17 позициям анализируется и сравнивается парламентская активность отечественных парламентариев и крупных фракций Государственной Думы третьего созыва. Для фракции правых отмечены ослабление законодательной и подписной активности, стабильность активности участия в прениях, низкая толерантность по отношению к другим депутатам. Думских националистов отличала относительная стабильность законодательной и подписной активности, низкий уровень активности участия в прениях, лояльность к правительству и корректность в отношении коллег–парламентариев. Для фракции октябристов была характерна самая высокая степень законодательной активности, другие формы парламентской активности по своим показателям были ниже среднедумских, включая и самый низкий уровень солидарности при голосованиях. Все показатели парламентской активности прогрессистов были ниже среднедумских, в то же время представители этой фракции были самыми корректными по отношению к другим депутатам. Напротив, все показатели парламентской активности кадетов были выше среднедумских, включая и высокий уровень солидарности при голосованиях. Выше среднедумских показателей была парламентская активность трудовиков и социал-демократов, включая нарушения думского регламента, отличали эти фракции и самые высокие уровни солидарности при голосованиях.

Результаты кластерного анализа поименных голосований в Думе третьего созыва позволяют скептически отнестись к традиционным в отечественной историографии представлениям о так называемом «механизме двух большинств» как *сознательно созданном* инструменте

правительственной политики. «Механизм двух большинств» в Государственной Думе третьего созыва стал *вынужденным* инструментом правительственной политики вследствие того, что «партия министерского большинства» не смогла собрать необходимого для принятия решений абсолютного большинства.

Полученные данные хорошо увязываются с результатами исследования социокультурного облика парламентских фракций и групп. Высоким уровнем «положительной» парламентской активности отличались фракции открытого типа (кадеты, прогрессисты, октябристы, а также трудовики и умеренно-правые). Ориентация на тактику реформ, характерная для указанных фракций, во многом объяснялась толерантностью к самым различным социокультурным признакам, своеобразной социокультурной всеядностью, нетипичностью жесткой детерминации политического поведения определенными социокультурными признаками. Напротив, низкий уровень положительной активности был свойствен фракциям закрытого типа (социал-демократы, правые, националисты), отличавшимся жесткой детерминацией политического поведения определенными социокультурными факторами. Если фракции открытого типа представляли российское общество в целом, отражая его коренные интересы и потребности на данном этапе исторического развития страны, то фракции закрытого типа представляли определенные сегменты тогдашнего российского общества, выражая частные интересы конкретных социальных групп.

В *третьем и четвертом параграфах* даны политические портреты двух депутатов Государственной Думы, оказавших существенное влияние на становление отечественных парламентских традиций и представлявших противоположные типы парламентариев – М.М. Алексеенко и В.М. Пуришкевича. «Отец делового парламентаризма» в России, М.М. Алексеенко возглавлял в Думе третьего и четвертого созывов бюджетную комиссию. Под его руководством она избрала путь сотрудничества с правительством, стремясь избежать лишних столкновений с ним, придавая разногласиям форму технического спора. На подходе Алексеенко к работе над государственным бюджетом сказалась его социальная двоякость: купец–профессор. Купеческая природа М.М. Алексеенко протестовала против превышения расходов над доходами. Первой его крупной победой стало утверждение на 1910 г. (впервые после 1888 г.) бездефицитного государственного бюджета. В успехах российской экономики накануне Первой мировой войны есть немалая заслуга и самого Алексеенко, и воспитанных им думских бюджетников. Авторитет, приобретенный им в качестве председателя бюджетной комиссии, был настолько велик среди

думцев, что во время парламентского кризиса в марте 1911 г. представители самых разных фракций рассматривали его в качестве лучшей кандидатуры на пост председателя Государственной Думы. Чрезвычайно важной была роль М.М. Алексеенко в судьбе октябристской фракции Государственной Думы четвертого созыва. Он отказался возглавить фракцию вместо не прошедшего в Думу А.И. Гучкова, но вместе с Н.А. Хомяковым стал лидером левого ее крыла, вел переговоры с П.Н. Милюковым, выступая за создание думского большинства с кадетами, а после раскола октябристской фракции в конце 1913 г. вошел в руководство земской группы Союза 17 октября.

В.М. Пуришкевич в ряду публичных политиков первой волны был весьма заметной фигурой. И не только благодаря скандалам, которые он регулярно устраивал в Таврическом дворце и за его стенами. В своей деятельности ему удалось эффективно сочетать по крайней мере три вида публичной активности: издательскую, партийную и парламентскую. Главной ареной деятельности Пуришкевича как публичного политика стала Государственная Дума. Именно в стенах Таврического дворца он обрел всероссийскую известность, только с думской трибуны он имел возможность на всю Российскую империю отстаивать те ценности, в которые сам верил и в которые хотел заставить верить других. В парламентской биографии Пуришкевича можно выделить три периода, различающиеся его взглядами на сам институт Государственной Думы и характером его деятельности в Таврическом дворце: февраль – июнь 1907 г.; ноябрь 1907 г. – июль 1914 г.; август 1914 г. – август 1917 г. Из непримиримого противника законодательных полномочий Думы и думского скандалиста в период второго созыва он в годы войны превратился в последовательного сторонника законодательного народного представительства и принципиальным образом изменил свое парламентское поведение.

Модели парламентской активности М.М. Алексеенко и В.М. Пуришкевича с наибольшей полнотой олицетворяли собой два наиболее распространенных в мировой практике типа парламентариев – *законодателя* и собственно *публичного политика*. Если представители первого типа в своей деятельности были преимущественно заняты законотворческим процессом, скрытой от посторонних глаз работой в комиссиях, то представители второго типа регулярно занимали парламентскую трибуну для артикуляции социально значимых интересов, которые должны были учитываться при принятии законов. Наряду с указанными в молодом российском парламенте формировался и третий тип – *депутата-лоббиста*, продвигавшего «специфические» социаль-

ные интересы и в зале общих собраний, и в комиссиях, но чаще всего в кабинетах правительственных чиновников.

Глава шестая «Российские парламентарии после 25 февраля 1917 года: политика и судьбы?» состоит из двух параграфов. В *первом параграфе* подчеркивается, что образованный 27 февраля 1917 г. «Временный Комитет членов Государственной Думы для восстановления порядка и для сношений с лицами и учреждениями» (ВКГД) фактически взял на себя роль штаба начавшейся революции, прежде всего озаботившись установлением контроля над аппаратом разваливавшегося государственного управления. Им были отрешены от должности царские министры, которых до образования нового правительства должны были замещать комиссары из состава Думы. ВКГД явился фактическим источником власти для Временного правительства. Думцы и выборные члены Государственного Совета являлись важным источником кадрового пополнения Временного правительства. Должности министров и их заместителей в разных составах правительства получили более 30 парламентариев. Депутатский корпус, пусть и в меньшей степени, стал источником кадрового пополнения советских органов. Так в состав ВЦИК первого созыва вошли 13 думцев разных созывов, членами исполкома Совета крестьянских депутатов были избраны 7 членов Государственной Думы.

Однако, несмотря на активность думцев, самой Думе как учреждению в политическом процессе 1917 г. места не нашлось. «Ценовое» народное представительство Временное правительство рассматривало как часть рухнувшей политической системы. Временное правительство объявило 6 октября о роспуске Государственной Думы и истечении полномочий выборных членов Государственного Совета. Место Думы с функциями представительного учреждения до созыва Учредительного собрания занял инициированный Демократическим совещанием Временный Совет Российской Республики (Предпарламент), начавший свою работу 7 октября. Предпринятые экс-парламентариями в годы гражданской войны попытки возобновить в том или ином виде активную политическую деятельность распущенных законодательных палат не увенчались успехом.

Во *втором параграфе* прослеживаются наиболее типичные судьбы российских парламентариев начала XX в. Вытесненные из прежнего политического пространства многие экс-парламентарии сыграли заметную роль в становлении государственности на территориях, ранее входивших в Российскую империю. Особенно активным было их участие в политической жизни независимой Польши и стран Балтии, где они составили ядро новой политической элиты.

Иначе сложились судьбы тех, кто оказался в вынужденной эмиграции. Большинству бывших парламентариев было крайне трудно адаптироваться к новым условиям, которые не предполагали их активного участия в жизни чужих стран. В 1920-е гг., еще надеясь на скорое возвращение на родину, большинство экс-парламентариев продолжало политическую и общественную деятельность в «России в Германии», «России во Франции», «России в Америке», в той России, которую они унесли с собой из «внутренней России». Они приняли активное участие в эмигрантском партийном строительстве, неизменно входили в состав оргкомитетов различных эмигрантских форумов, руководили редакциями эмигрантских газет и журналов, преподавали в открытых для выходцев из России высших учебных заведениях, создавали общественные учреждения, которые должны были материально и морально поддерживать различные группы российского зарубежья.

Жизнь бывших членов законодательных палат, по разным причинам оставшихся на родине, сложилась непросто. Исключение составили члены большевистской фракции четвертой Государственной Думы, а также втородумец В.А. Чашин, вошедшие в состав советской и партийной номенклатуры. Примеров успешной карьеры бывших парламентариев в советское время не так много. Для большинства принадлежность к дореволюционному парламенту была меткой неблагонадежности, несмотря на то, что от политической деятельности они отошли и работали в различных советских учреждениях. Их прошлое депутатство новые власти не забывали.

В Заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные положения и выводы. Демократическая составляющая политической системы дуалистической монархии включала в себя наметившееся разделение властей; законодательное народное представительство; новый тип принятия государственных решений и становление публичной политики; партии, превращающиеся в институты системы; рождение человека политического и начало диалога власти с политическим обществом. Россия оказалась вовлеченной в процесс институционализации отношений между элитами и массами, который был характерен для европейских стран на рубеже XIX–XX столетий.

Новое политическое пространство России стремительно осваивалось человеком политическим, который пребывал в разных ипостасях – министра и политического активиста оппозиции, императора и обывателя. Благодаря институциональным и иным формам политического участия даже рядовой обыватель становился политическим актором, превращая тем самым политику в одну из структур повседневности.

Ярким воплощением человека политического является публичный политик, выполняющий посреднические функции в отношениях политического общества с государством, а наиболее полно ролевые функции политика данного типа в России начала XX в. выполняли члены Государственного Совета и Государственной Думы. Не связанные по замыслу законодателя друг с другом Государственная Дума и Государственный Совет на практике превратились в две палаты одного парламентского учреждения, без участия каждой из них становилась невозможной законодательная деятельность в России. Члены этих палат благодаря своей практической деятельности вольно или невольно объединились в корпорацию парламентариев, выполнявших свойственные представителям подобной корпорации функции – представительную, законодательную, контрольную.

Неудачу первого опыта демократического транзита в России предопределил целый комплекс причин, ведущими среди которых были отсутствие национального единства и полярность социальных интересов различных групп населения, что в совокупности порождало конфронтационные модели взаимодействия основных акторов политического процесса. Идеи патриотизма и победы над внешним врагом начала мировой войны, подтолкнувшие различные политические силы к поискам приемлемых компромиссов, оказались скоро исчерпанными из-за затяжного и крайне неудачного для России хода военных действий и углублявшегося вследствие этого системного кризиса. Сложившаяся ситуация благоприятствовала тем политикам и партиям, которые стремились к решению проблем, специфических для определенных национальных и социальных групп, за счет интересов других слоев общества.

Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора:

Монографии

1. *Кирьянов, И.К.* Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906–1917 [Текст] / И.К. Кирьянов, М.Н. Лукьянов. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 168 с. (10 п.л.).
2. *Кирьянов, И.К.* Пермские депутаты Государственной Думы [Текст] / И.К. Кирьянов. – Пермь, 2006. – 80 с. (4.8 п.л.).
3. *Кирьянов, И.К.* Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве [Текст] / И.К. Кирьянов. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 2006. – 368 с. (23 п.л.).

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, входящих в список, рекомендованный ВАК

4. *Кириянов, И.К.* “Homo politicus” и публичный политик в России начала XX в. [Текст] / И.К. Кириянов // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия История России. – 2004. – № 3. – С. 70–78. (0.8 п.л.).

5. *Кириянов, И.К.* Провал премьеры либеральной пьесы: первый опыт российского транзита [Текст] / И.К. Кириянов // ПОЛИС: Политические исследования. – 2005. – № 5. – С. 118–131. (1.3 п.л.)

6. *Кириянов, И.К.* Депутат Государственной Думы начала XX века: правовой и общественный статус [Текст] / И.К. Кириянов // ПОЛИС: Политические исследования. – 2006. – № 2. – С. 40–50. (1.1 п.л.).

7. *Кириянов, И.К.* Государственная Дума после 25 февраля 1917 г.: от политической реальности к виртуальности [Текст] / И.К. Кириянов // Известия Алтайского государственного университета. – Серия История. Политология. – 2008. – № 4/4. – С. 82–88. (0.8 п.л.).

8. *Кириянов, И.К.* Депутатский корпус и лоббистские практики в России начала XX века [Текст] / И.К. Кириянов // Власть. – 2009. – № 1. – С. 105–109. (0.5 п.л.).

9. *Кириянов, И.К.* Алексеенко М.М. – «отец делового парламентаризма» [Текст] / И.К. Кириянов // Власть. – 2009. – № 4. – С. 127–130. (0.4 п.л.).

10. *Кириянов, И.К.* Стенографические отчеты Государственной Думы начала XX века: от традиционного к компьютерному источниковедению [Текст] / И.К. Кириянов, С.И. Корниенко // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия История. Вып. 30. – 2009. – № 6. – С. 144–148. (0.5 п.л.).

11. *Кириянов, И.К.* Дресс-код российских парламентариев начала XX в. [Текст] / И.К. Кириянов // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия История России. – 2009. – № 2. – С. 24–30. (0.8 п.л.).

12. *Кириянов, И.К.* Поименные голосования в Государственной Думе третьего созыва, 1907–1912: опыт кластерного анализа [Текст] / И.К. Кириянов // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия История. Вып. 31. – 2009. – № 12. – С. 156–159. (0.4 п.л.).

Статьи в других изданиях

13. *Кириянов, И.К.* Российская бюрократия в условиях кризиса, 1905–1906 [Текст] / И.К. Кириянов, М.Н. Лукьянов // Политическая и духовная культура Европы (новое и новейшее время). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. – С. 60–73. (0.8 п.л.).

14. *Кирьянов, И.К.* Российские консерваторы в III Государственной Думе: эволюция парламентского поведения [Текст] / И.К. Кирьянов // Исторические метаморфозы консерватизма / Под ред. П.Ю. Рахшмира. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – С. 132–147. (0.8 п.л.).

15. *Кирьянов, И.К.* Владимир Митрофанович Пуришкевич: депутат-фракция [Текст] / И.К. Кирьянов // Консерватизм: идеи и люди / Под ред. П.Ю. Рахшмира. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – С. 105–123. (1.0 п.л.).

16. *Кирьянов, И.К.* Основные государственные законы Российской империи 1906 года: феномен «консервативной» конституции [Текст] / И.К. Кирьянов // Вестник Пермского университета. – 1999. – Вып. 4. – История. – С. 96–109. (0.8 п.л.).

17. *Кирьянов, И.К.* Типы модернизационных процессов и политическое поведение российских избирателей в начале XX в. [Текст] / И.К. Кирьянов // Вестник Пермского университета. – 2001. – Вып. 1. – История. – С. 19–27. (0.5 п.л.).

18. *Кирьянов, И.К.* Социокультурные факторы политического выбора в России начала XX в. [Текст] / И.К. Кирьянов // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе / Под ред. Л.И. Бородкина, В.Н. Владимирова, И.Ф. Юшина. – М.: Изд-во «Мосгорархив», 2001. – С. 39–52. (0.8 п.л.).

19. *Кирьянов, И.К.* Государственная Дума в 1917 г. [Текст] / И.К. Кирьянов // Вестник Пермского университета. – 2002. – Вып. 3. – История. – С. 105–117. (0.8 п.л.).

20. *Кирьянов, И.К.* Политические судьбы российских парламентариев начала XX в. в послеоктябрьский период [Текст] / И.К. Кирьянов // Гуманитарные науки и современность: сб. науч. тр. Вып. 3. – Пермь: Западно-Уральский ин-т экономики и права, 2003. – С. 82–101. (1.0 п.л.).

21. *Кирьянов, И.К.* Информационная система «Российские парламентарии начала XX в.» [Текст] / И.К. Кирьянов, С.И. Корниенко // Вестник Пермского университета. – 2005. – Вып. 5. – История. – С. 50–55. (0.5 п.л.).

22. *Кирьянов, И.К.* Создание информационной системы «Российские парламентарии начала XX века»: первый этап [Текст] / И.К. Кирьянов, С.И. Корниенко, Д.Г. Решетников // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 33 / Отв. ред. Л.И. Бородкин. – М., 2006. – С. 94–101. (0.5 п.л.).

23. *Кирьянов, И.К.* «Русский транзит» начала XX века: к истории измененного маршрута [Текст] / И.К. Кирьянов // Управленческое консультирование. – СПб., 2006. – № 2. – С. 17–30. (0.8 п.л.).

24. *Кириянов, И.К.* Количественные методы исследования истории парламентаризма в России начала XX в. [Текст] / И.К. Кириянов, С.И. Корниенко // Проблемы методологии и источниковедения: матер. III Науч. чтений памяти академика И.Д. Ковальченко / Отв. ред. С.П. Карпов. – М.: Изд-во МГУ; СПб.: Алетей, 2006. – С. 483–486. (0.4 п.л.).

25. *Кириянов, И.К.* Демократический транзит и рождение homo politicus в России начала XX века [Текст] / И.К. Кириянов // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт: матер. междунар. науч. конф. Казань, 11–13 мая 2006 / Науч. ред. А.О. Чубарьян. – М.: ИВИ РАН, 2007. – С. 427–436. (0.5 п.л.).

26. *Кириянов, И.К.* Эмигрантские судьбы российских парламентариев начала XX века [Текст] / И.К. Кириянов // Zgodovinski vestnik univerz v Ljubljani in v Permu. Številka 2 / Ured. I. Kiryanov, B. Repe. – Ljubljana; Perm, 2008. – S. 101–106. (0.4 п.л.).

Учебные пособия

27. *Кириянов, И.К.* Россия в начале XX века: Методические рекомендации для учителей истории [Текст] / И.К. Кириянов, М.Н. Лукьянов. – Пермь: Перм. обл. ин-т усовершенствования учителей, 1990. – 83 с. (5 п.л.).

28. *Кириянов, И.К.* Россия, 1900–1917: Книга для тех, кто изучает историю Отечества [Текст] / И.К. Кириянов. – Пермь: Западно-Уральский учебно-методический центр, 1993. – 190 с. (12 п.л.).

29. *Кириянов, И.* Историческое развитие политических систем России и Соединенного Королевства [Текст] / И. Кириянов, Р. Кайе // Россия и Британия в поисках достойного правления: Учебное пособие / Под ред. И. Кириянова, Н. Оуэна, Дж. Сникера. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. – С. 11–57. (2.6 п.л.).

30. Словарь парламентских терминов [Текст] / Я.Г. Ашихмина, И.К. Кириянов, П.В. Панов, О.Б. Подвинцев. – Пермь: Студия «ЗёБ-РА», 2006. – 80 с. (4.2 п.л.).

Подписано в печать 18.09.2009. Формат 60x84 1/16.
Бумага ВХИ. Усл. печ. л. 2,48. Тираж 120 экз. Заказ № 293.

Типография Пермского госуниверситета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.